

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиаотека

Сообщество

— Седдон Макс

В отсутствие искусства

Aug 11, 2011 0 1 544

Белорусскому художнику лучше всего уехать куда-нибудь за границу. Почему же те двое этого не делают? (Статья портала www.openspace.ru, опубликованная 23.03.2009)

Звучит как начало несмешного анекдота: русские послали американца в Минск искать современное искусство. И поначалу ничто не говорило о том, что я его найду. В статье о постсоветской белорусской арт-сцене, написанной уважаемым экспертом, я прочитал обнадеживающую фразу: «За исключением нескольких интересных персонажей, белорусского искусства не существует».

К тому моменту когда я сидел в каком-то временном кафе на четвертом этаже горьковзала и ел невнятные чебуреки с Александром (Алесем) Пушкиным, анекдот, казалось, достиг апогея. Длинноволосый и златозубый Пушкин приехал из деревни Бобр (125 км). Он безвозмездно прочитал мне краткий курс по современному искусству этой затерявшейся во времени страны. На нем были выдавшее виды пальто, потерянная шляпа и вышитая крестьянская рубашка, и он как будто вышел прямоком из пятидесятих. Из старого портфеля он достал мятый конверт и пожелтевшую записную книжку.

«В Белоруссии есть два типа художников, — сказал он, прочертив линию на обороте конверта, — официальные и неофициальные. Но это не вопрос — у этого искусство хорошее, а у того плохое. Это вопрос отношений, вопрос конформизма».

РУБРИКИ

news обзор (6)
активизм, закон, цензура (31)
арт-институции (11)
архитектура, охрана памятников (3)
Без рубрики (1)
белорусский авангард (5)
гендер, феминизм, квил (23)
дискуссии (9)
заслуженный работник культуры (2)
издания (11)
институциональная критика (7)
интервью (46)
итоги (15)
круг интересов (2)
кураторское дело (3)
лекция (7)
манифесты, акты, декларации (7)
материалы па-беларуску (16)
международный опыт (26)
некролог (3)
общество (10)
опрос (5)
перформанс (5)
письмо редактора (3)
портфолио (4)
реакции, наблюдения, тенденции (40)
события, выставки (53)
стрит-арт, публич-арт (10)
текст художника (7)
терминология (7)
фотография (16)
художники (38)
школа критики (3)

© IREX/ProMedia/www.pushkin.by // Александр Пушкин / «Подарок президенту».
Перформанс / 1999

«Конформизм» — слово, возможно, слишком мягкое. С левой стороны сверху списка оказался Михаил Андреевич Савицкий, один из пяти Героев Белоруссии. В свои 86 лет он все еще как пирожки печет портреты Сталина. «Все эти старики врут, — мрачно усмехается Пушкин, — они решили всем пожимать руки, брать все награды и вопросов не задавать».

Большинство русских скажут о Белоруссии, что этот их полузабытый сосед — страна-совок, совершенно не изменившаяся после распада СССР и известная только своими тракторами, картошкой и кичевым культом личности президента Лукашенко. Но время здесь не остановилось — оно породило свою, очень странную атмосферу потерянности. Сталинский заповедник почти полностью разрушенного в войну Минска холоден и неприступен. В городском пейзаже доминируют тусклые бетонные правительственные здания, которые ночью освещаются неземным цветным светом, исходящим от соседних высоченных отелей (тоже советских, впрочем). Жутковато спокойные улицы почти полностью лишены рекламы — попадают только очаровательно аляповатые госплакаты с изображением колхозников, скромных девушек в белом исподнем, детей в военной форме, тракторов и вездесущих хрущоб. На одинаковых станциях метро слышны только грохот поездов и железные звуки видеомониторов над рельсами.

© Александр Пушкин / «Муза Бобрских просторов». Перформанс / 2001

В такой обстановке, особенно принимая во внимание широкую популярность лукашенковского режима, трудно себе представить, как может существовать современное искусство. В общем-то, оно и не существует. Белоруссия — единственная страна в Европе, а может, и во всем индустриальном мире, где нет ни одной галереи. За исключением небольших и нечастых заказов, которые официально проверенные и идеологически выдержанные художники получают от государства (впрочем, все равно деньги эти поступают медленно и жить на них невозможно), рынка искусства тут нет. Регрессивная тоталитарная идеология, деревенское сознание и патриархальная социальная структура делают культурный диалог почти невозможным; а высокомерное презрение русских к маленькому соседу сочетается с почти абсолютным неведением Запада относительно Белоруссии. Какая тут у неофициальных художников может быть модель существования, какого места под солнцем они могут желать, какому доброжелателю понравиться?

«Художник, живущий в Беларуси, есть какая-то белая ворона в стране спортивно-православных праздников, в стране «колхозного фашизма». Если он не уничтожен, не выжат в эмиграцию, не принужден к сотрудничеству с диктатором, которого привела к власти и держит Россия, — то это просто вопрос времени», — говорит Пушкин.

© IREX/ProMedia/www.pushkin.by // Александр Пушкин / «Подарок президенту».
Перформанс / 1999

Конечно, так было не всегда. Пушкин с теплотой говорит о витебском авангарде, о Шагале и Малевиче, но и они ведь в конце концов отправились туда, куда двинулись и представители маленькой, но живой и разнообразной сцены, которая тут выросла на энтузиазме перестройки и 1990-х годов, а именно за границу (Белоруссии по крайней мере). Пока время обходило Белоруссию стороной, горстка галерей, которая тогда возникла, вымерла, и искусство вокруг них тоже. Единственное официально финансируемое выставочное пространство — это советского времени (и все еще советского духа) Музей современного искусства. Как тут шутят, не музей и не современного искусства. Места для современного искусства тут выглядят жалкой пародией на московский «Винзавод», с его крутыми галерейными пространствами, модными бутиками, «Фаланстером» и продвинутыми кафе, — причем таких мест тут всего два. Ни одно из них не является галереей в строгом, да даже и в нестрогом, смысле слова, ни одно на это и не претендует. «Добре мысли» называют себя «кафе», да в общем-то им и являются. Это домашнее заведение, которым руководит пожилая дама, спрятано в переулке в промышленном районе, имеет сцену для живой музыки на четыре человека и стены, на которых сменяются выставки; причем искусство тут, в связи с природой места, легко принять за чистый декор. «Подземка» на проспекте Независимости, главной улице города, больше в контакте с местной *progressivnaja molodezh*, но в основном в том смысле, что выживает за счет продажи шмоток, мелкого барахла, разных штучек, дисков и книг, что выставлены рядом с произведениями искусства.

Именно там я и встретился с Артуром Клиновым, который стоял первым в пушкинском «неофициальном» списке. Один из немногих белорусских художников, признанных за границей (то есть в принципе),

издатель единственного в стране журнала по современному искусству, «пАРТизан», он сам не выставлялся в Белоруссии уже десять лет и объясняет отчаянное положение белорусского искусства таким образом: «Это мистическая загадка — по размеру города, по населению Минск больше всего похож на Киев, но там десятки нормальных галерей, а здесь — нет ни одной. “Подземка” имеет шанс стать галереей, так как она потихоньку за последние пять лет развивается. Но это исключение. Ситуация бредовая, это ненормально, но тут такая наша реальность».

При взгляде на работы Клинова становится очевидно, что он в своем роде националист: он делает ленд-арт из соломы и отказывается публиковаться по-русски. На это он, впрочем, говорит: «Я больше сторонник термина “партизанство” — это как бы белорусский национальный бренд; понятный, известный, наиболее адекватный. Поскольку нет никакой инфраструктуры, поддержки — наш автор, чтобы функционировать и выжить, должен применять какие-то партизанские стратегии. Он сам себе автор, галерея, менеджер, куратор, критик, сам продается».

Для Клинова партизанская война скорее необходимость, чем активный выбор; это борьба не столько против чего-то или кого-то, сколько за само право искусства на существование. Пушкин же — открытый националист и объявил войну «колхозному фашизму». Из своего окна он вывесил старый красно-белый белорусский флаг, страстно защищает белорусский язык, который президент Лукашенко медленно, но верно вытесняет (жена Пушкина преподает белорусский в школе), и поновляет фрески в деревенских церквях, порой вписывая туда и самого Лукашенко. Пушкин гордо показывает мне свою ветеранскую карточку и объясняет свою бравурную энергию тем фактом, что в 1980-е он служил в Афганистане: «Я был единственным в своем батальоне, кто стал художником! И после службы очень захотелось жить. Перестал бояться власти, КГБ, милиции. И только после двадцати лет после армии пришло понимание, что пишу иконы для церквей и костелов Беларуси — как покаяние, что когда-то был жестоким, пускай и в чужой, далекой стране».

© Артур Клинов / инсталляция

Известен Пушкин, впрочем, главным образом перформансами. Он внезапно прославился в 1999 году своим ныне легендарным «Подарком президенту». В день, когда официально заканчивался первый срок пребывания Лукашенко у власти, Пушкин в своем крестьянском наряде появился перед президентским дворцом с тачкой навоза, поверх которой лежала пачка белорусских банкнот с советскими символами (которые вернул Лукашенко) и портретом самого «бацьки». За несколько секунд до того, как его арестовали, побили и присудили ему штраф в 4000 долларов, он вылил содержимое тачки на землю и воткнул вилы прямо Лукашенко в лицо.

«Это такая белорусская форма художественного хеппинга, где не путем взрыва тачки с гексогеном, а при помощи тачки с юмором показан протест против узурпации власти московским ставленником. Это будет историческое оправдание части белорусской интеллигенции, в частности художников, которые не согласились молча с началом эпохи беззакония!»

© Александр Пушкин / «Солдат удачи». Перформанс / Площадь независимости, Минск / 2002

Арестовывали и били Пушкина не раз, и это, наверное, неудивительно. Одинокая битва, похоже, ему нравится больше, чем что бы то ни было. Все еще улыбаясь, он показывает мне брошюру о своем прошлогоднем перформансе в День независимости, когда он стоял в своей деревне у дороги со скворечниками, раскрашенными в цвета красно-белого национального флага, флага Евросоюза и других «символов свободы». Длилось это 45 минут. Потом приехала милиция и забрала его, что в его понимании есть вершина успеха. «В несвободной стране выставить на праздник Независимости скворечники с подтекстом есть административно наказуемое действие, за которое судом присуждается штраф. И участниками перформанса становятся и милиционеры, и судья, сами того не подозревая, но чувствуя весь абсурд положения, в котором они задействованы».

Для художников в Белоруссии перформанс — последнее пристанище, и как самый прямой способ атаковать власть, и как единственная возможность привлечь внимание публики к неофициальному искусству. Пушкин и другие белорусские художники часто принимают участие в европейских фестивалях перформанса — при условии, конечно, что они заплатили властям что положено и получили право на выезд. Раз в год они участвуют в белорусском фестивале, который проходит в маленьком городе Навинки. «В несвободной стране расцветает эзопов язык, — говорит Пушкин, — единственная форма свободного творчества, относительно мягко преследуемая». Клинов, который сам не перформансист, такого энтузиазма не проявляет. «Была такая волна, начали все заниматься в 90-е. Слово стало популярным, пошло в народ, и начали, как у нас выражаются, любую пяньку называть перформансом, на уровне такого бытового общения».

© Артур Клинов / фотопроект «Город СОНца»

Мне показалось, что белорусскому художнику деваться некуда, кроме как уезжать. В своем сопротивлении исходу Пушкин и Клинов — аномалии. Но по здравом размышлении я понял, что их желание оставаться связано скорее с сентиментальной укорененностью в системе, нежели со стремлением ее изменить. Клинов, в частности, считает Минск неким последним экземпляром в череде вымирающих феноменов. Это очевидно по его фотопроекту «Город СОНца», который документирует пустые бетонные улицы с большой сентиментальностью и даже придает им некий модно-мистический налет. «Это подарок великой утопии, которая здесь была реализована. Как пирамида. Этот город очень сценографичен, декоративен, он в принципе реализован так, как только и можно реализовать утопию. Он не может считаться реальностью, но он великолепно изображает себя. Утопия может там живущих людей заставить поверить. Я боюсь, что через лет двадцать этого города не будет. Варвары — по науке они называются инвесторы — уже идут со своим аморальным баблом, они строят то, что хотят, и спасти его от них шанса практически нет».

Больше всего меня смутили признаки того, что белорусские художники не только эмоционально и творчески дистанцировались от неконформистского поколения 1990-х, но и, будучи в лучшем случае такими же слепыми, как и их нарождающаяся сцена, уже подпадают под влияние наихудших глянцевого варианта западного искусства. Я это увидел в последний день недельной программы в «Подземке» под названием «Все, что вы хотели знать о современном искусстве, но боялись спросить», в которой участвовал видеодуэт под странным ником An Angelico. Все было обставлено как публичное обсуждение — на русском, кстати говоря, — новых работ, которые эти двое молодых людей сделали для проекции в ночном клубе, а теперь подали как «видеоарт». Я сначала несколько удивился, что в Белоруссии вообще есть ночные клубы, но потом был шокирован тем, какими безвкусными и банальными оказались «произведения» этой группы. Под звуки самого тривиального, немедленно исчезающего из памяти электронного лаунджа в этих видео некие прекрасные модели сначала глубокомысленно глядели в сторону горизонта (через поля или из окна), а потом принялись радостно танцевать в более или (скорее) менее одетом виде. Старшее поколение в публике выказало адекватное ситуации презрение, но самое молодое начало сходило с ума от восторга.

© Артур Клинов / «Мобильный магазин партизана»

С одной стороны, в отсутствие реального арт-процесса трудно ожидать, что они будут разбираться в искусстве лучше. С другой, Лукашенко тут явно не виноват — в Белоруссии есть полный доступ к интернету. Но если культурный диалог, который им так отчаянно нужен, так и не возникнет, белорусский художник так и будет вынужден биться за себя... Клинов согласен: «Из столетия в столетие культура здесь держится на каких-то парадоксах. Она не умирает, она выживает, и появляется культурный герой. Эта земля рождает культурного героя, и, пока она способна его рождать, у нее есть будущее. Культурный герой как бы спасает эту страну. Она держалась на людях, которые вопреки всему, вопреки всем обстоятельствам говорили: "Пошли вы все в жопу, я вот так хочу, и я иду своей дорогой"».

© www.openspace.ru / Макс Седдон · 23/03/2009

/ источник: www.openspace.ru

Tweet

0

Нрави:

Читать по теме:

Алексей Губарев: «Главное – двигаться, работать, гнуть свою линию»

Владимир Цеслер: "Люди у нас неприхотливые"

[активизм, закон, цензура](#)

[художники](#)

[алесь пушкин](#)

[артур клинов](#)

[политическое](#)

[Предыдущая публикация](#)

[Следующая публикация](#)

Комментарии: 0

Сортировка

Самые старые

Добавьте комментарий...

[Плагин комментариев Facebook](#)

Добавить комментарий

Имя *

Email *

Сайт

Комментировать

[О проекте](#)
[Партнеры](#)
[Реклама](#)
[Контакт](#)

[Facebook](#)
[Twitter](#)
[RSS](#)

© 2011-2012 Art Aktivist. Все права защищены.

Design & Web Development
by Sgustok Studio